

Сергей Лёвин

Очень нужен билет на Уран

Ночная гроза

Над морем распоясалась гроза:
из туч растут соцветия и корни.
Такая ночь водою год накормит—
двухмесячный запас за полчаса!

Во всполохах открыт излом веков:
вот Зевс стращает мирных горгиппийцев,
и турки от дождя спешат укрыться
под своды крепостные, а любовь

переполняет спальни и сердца,
чей стук легко соперничает с громом.
Из берегов выходят водоёмы.
Такая ночь— не видно и лица!

Стоит у куреня седой казак,
от молнии прикуривает люльку
и видит очертанья демиурга
в разорванных норд-остом облаках.

Огнями истекают небеса,
басами сотрясаются просторы—
природа успокоится скоро.
Над морем распоясалась гроза.

Частица «не»

Не сто́ит, ибо ненормально
текст начинать частицей «не».
Так зреют зёрна урагана
в благословенной тишине,
так из глубин растёт цунами
прозрачной рябью на воде,
и те, кто уважаем нами,
вдруг присягают пустоте
и хвалят то, что— нет, не надо,—
куплеты жалкие поют
и, вешая на грудь награды,
из дряни воздвигают культ.

Я сам такой. Ничуть не лучше.
Я даже хуже остальных—
всех тех, кто лезет вверх на кручу,
чтоб воцариться там на миг.

От лицемерия устал, но
доволен жизнью я вполне.
И кажется, теперь нормально
текст завершать частицей «не».

Выплеск

Вы можете не верить, но—ей-ей!—
пространство жизни стало холодной,
и стонут облетевшие осины.
Так стужа обретает высший смысл,
и судно дном испытывает мыс,
и пульс, воспрянув, снова обессилел.

Не веруя в осмысленность стиха,
строку выводит новую рука,
я дал зарок и сам его нарушил.
Вопрос жесток: поэт иль не поэт?
Скорее нет, но чёркаю куплет,
чернилами исписывая душу.

Смятение. Сомнение. И боль.
А нужно-то всего-то быть собой,
с собой быть честным и прямолинейным.
Моя неискупимая вина:
когда душа отчаяньем полна,
выплёскиваю смерть стихотвореньем.

Алиса, расскажи мне сказку,
как Иисус воскрес на Пасху,
цвели сады и птицы пели,
слагали гимны менестрели,
а на стене торцовой храма
калякал ангел диораму.

Признайся, умная колонка:
прекрасно ли моё далёко,
почём билет до края рая,
и правда ли, что Бог не фраер?
И почему на небосводе
обременённых нет угодий?

Спой песню мне, шайтан-машина,
про то, что смерть неустрашима,
о том, как чудо жизнь прекрасна
и все мы паства, все мы паства...

Но сети нет, безмолвен гаджет.
Господь его за то накажет,
и по канону в тишине
соврёт с три короба он мне.

Прими меня таким, какой я есть:
неброским, угловатым, нелюдимым.
Не человек, а жёсть, осколки, шерсть,
чернила, кости, кровь, бумага, глина.

Люби меня таким, какой я есть:
надменным, сомневающимся, слабым.
Я пешка, у которой идол—ферзь,
набросок, что стремится к идеалу.

Цени меня таким, какой я есть:
измученным, потерянным, всесильным.
Растративший гордыню, гнев и спесь,
я пуст и в то же время изобилён.

Дождись меня таким, какой я есть:
я с мельницами биться не закончил.
Вкушаю декаданс, фантазм, бурлеск,
не знающий покоя днём и ночью.

Встречай меня таким, какой я есть:
вернусь я из крестового похода
и буду, как и прежде, снова здесь
сутулиться под крики: «Мракобес!»—
макушкой тычась в брюхо небосвода...

Подводное

Плыву я под водой сто тысяч лье—
дистанция, достойная героя.
Внизу остовы древних кораблей,
вверху сквозь брызги небо голубое.

Вот полпути осталось позади,
щекочут пузо шпильки Атлантиды.
У Бога пару дней спрошу в кредит.
Надеюсь, Он даёт ещё кредиты.

Предельная прекрасна глубина—
рассказывали Немо с Маракотом.
И я когда-нибудь достигну дна
и отдохну от солнца и работы...

Твист

Эта история очень проста,
не было в ней и не будет твиста.
Впрочем, не будет и твиста—
небо сегодня так мглисто.

Выбрать движение: шаг или бег.
Выбрать погоду: дождь или снег.
Выбрать конец: bad or happy.
Выбери: страх или трепет.

Кажется, мир стал теснее всем нам,
выросшим ровно за год пацанам.
Рвём расслоённые жилы:
главное—живы. Но живы ль?

Эта история очень проста:
путь одолеет один лишь из ста.

Прощание

Запомню день дождливых похорон:
суглинка ком, лопатой рассечён,
слегка похожий на башку медвежью,
оскалился обрывками корней,
а ветер дул настойчивей, сильнее,
трепал и рвал промокшую одежду.

Обмотанный пакетами башмак,
на небе прохутился новый шланг,
журчит зауспокойная молитва,
и липнет к пальцам стылой горсть земли,
и сердце, освежёвано, кровит.
Ещё одна проигранная битва.

Три копшика на свежей борозде:
«Свидетельство о смерти ваше где?»
Сноровисты, сильны и деловиты,
заканчивают скорбный ритуал.
В кругу людей растерянных стоял
я молча.

Были горем общим свиты
в единую усталую петлю.
Искусственную вымочив хвою,
дождь перестал... И крест обрёл здесь место.
И, сгорбясь, по аллее мы пошли:
и тот, кто мёртв, был рядом с тем, кто жив.
И солнце пробивалось сквозь туч тесто.

Билет на Уран

Очень нужен билет на Уран,
на Нептун, на Плутон—безразлично.
Моё тело—коллекция ран
без морали, души и приличий.

Моё тело не слишком моё—
прикупил его в старом ломбарде.
Оно ржавую изморось льёт
из разрезов, пробоя и впадин.

Эмигрировать срочно с Земли
надо, только нет денег на визу.
Собирался взойти на трамплин,
но скатился до самого низа.

Не поможет «Загадка дыры»
рептилоиду в драном обличье,
но надеюсь: уйду я в отрыв,
выпив крови верблюжьей и бычьей.

Сконструирую чудо-скафандр
из кристаллов и метеоритов
и ракету-носитель «Икар»,
чтоб покинуть земную орбиту.

Там авось кто-нибудь подберёт,
до Урана на шаттле подкинет
утомлённое тело моё,
и продолжится путь пилигримий.

То ли июльская жуть, то ли августа нежить —
таю от зноя, и капают нервы в песок.

Так укрощается страсть. Жаль, мне веки не смежить,
не раствориться в потоке из вычурных слов,
не покорить Джомолунгму и Килиманджаро
и не пропеть, как псалом, Эйяфьятлайокудль.

Мне сорок пять, но себя я не чувствую старым,
хватке моей позавидует лютый питбуль.

Лето, жара, духота — с неба падает лава,
чавкает жидкой подошвой голодный асфальт.

Скоро вскипит горизонт, и диск солнца кровавый
в море погрузится под стрекот мерный цикад.

Я провожу его взглядом усталым и гордым —
ночь долгожданная ветер и сон принесёт.

Мякиш луны мне о главном сейчас же напомним:
где-то прохладный есть край — там меня кто-то ждёт.